

Несколько слов об Эльзаше Ласкер-Шолер

Из меня вырывается мрачный аккорд.
И в тысячу кусков душа разлетелась.
Мою злую недолю похитил черт,
Чтоб прижать ее к сердцу закоптелому.

И волосссыпается розы цвет.
И мечется жизнь во все стороны.
Так пляшу я многие тысячи лет
Со дня не помню с которого.

"Моя плясовая" /пер. В. Нейштадта/

Поэту легче создать мир, чем государство...

Она никогда не носила длинных волос, всегда - короткая стрижка. Такая вот долговечная привязанность. Зато одевалась разнообразно, независимо и весьма экстравагантно. На летучих, легких автопортретах, выполненных в эскизной манере, но вполне профессионально, ибо и начинала она как художница, мы видим Эльзу то в авиаторском галифе, то в восточных шароварах, то в тигровой шляпке, похожей на турецкую феску, и иначе, как мэтра, в сторогом костюме с белым отложным воротником и элегантной брошью.

"Я рождена в Фивах, даже если на свет я появилась в Эльберфельде на Рейне. До одиннадцати лет ходила в школу, став Робинсоном, пять лет жила на Востоке и с тех пор я вегетарианка", - пишет Эльза Ласкер-Шолер в автобиографических заметках. Уже такое высказывание симптоматично для поэтессы. В и без того красочные обстоятельства своей жизни она по разным причинам вносила элемент игры и вымысла. Причем границы между вымыслом и фактографией в ее жизни вообще с трудом поддаются измерению. Нам представляется, что это был тот довольно таки редкий случай

игры в жизнь, когда игра становится отчасти подменой последней, тем, что Рильке называл "х)", когда игра шла не от "неумения" жить и не от скудости жизненных соков, но, наоборот, от обилия и разнообразия живых жизненных импульсов, от желания неуемного вместить и пережить в одной жизни множество разных судеб. Примечателен уже сам факт рождения.

Эльза Ласкер-Шолер родилась в 1876 году...

Эльза Ласкер-Шолер родилась в 1869 году, II февраля. Она была шестым ребенком в семье банкира и архитектора АRONA ШЮлера. Ее мать, Маннэтт, была родом из Испании. Дед - главным раввином. Школу Эльза посещала только до одиннадцати лет, а затем занималась дома. Первые жизненные шаги ее были ориентированы на иудейскую традицию. В ней она надеялась обрести внутренний покой, опору существованию, которые она безуспешно искала бы в мещанской среде. Ее поэтическое творчество наполнено тоской по чистоте и светлыми на душевное одиночество.

Довольно рано, однако, покинула она родной дом, перебравшись в Берлин, окунулась в жизнь боди, с тем, чтобы испытать и пережить как можно больше. В 1899 году от брака с врачом Ионафаном Ласкером у нее родился сын Пауль. Там, в Берлине, она получила первый необходимый толчок для создания первого томика стихотворений - "Стикс" (1902).

Цветочной пылью тайные престолы
Благословляет вечер. Дремлет сад.
Как белые сверкают пчель,
Куда-то ангели заботливо спешат.

Открыта нам огромная Господня
Лазоревая книга, с солнцем и лукой.
Мы облака систрели там сегодня,
И ветер весело играл со мной. xx)

Стихи, как видим, еще вполне в духе дсэкспрессионистской традиции. Первые книги она сама иллюстрирует своими графическими работами.

С доктором Ионафаном Бертольдом Ласкером Эльза вскоре ра-

х) См. "Песнь Абелоны" в его романе "Записки Мальте Маурисса Бригге".

xx) "Цветочной пылью...", пер. В. Эльснера.

зошлась, она стряхнула с себя последние остатки добропорядочного существования. В это время она близко сходится с поэтом, "циганом от литературы" Петером Хилле (1854-1904), фигурой чрезвычайно колоритной в мире богемы, которого она, Эльза, называет Пророк. Две основные черты определяли тогда жизнь богемы: свобода пристрастий и бедность:

"У нас богатств - лишь в брюхе шнапс,
Но в том-то и беда.
Кто хлещет шнапс, тому как раз
С хмельной башки да пьяных глаз
И добродетель не указ.
Вот так-то, господа." ^{x)}

Богема одевалась согласно своим представлениям, у нее были свои городские кварталы и свои ресторанчики. Избытком нравственности она тоже не страдала. Городская богема породила такое культурное явление, как литературное кабаре. В 1901 году Эрнст Вольцоген открыл в Берлине кабаре "Подмостки", своеобразную параллель парижского. /.../. Там же возникло и кабаре "Гром и дым", а в Мюнхене в том же году - "Однинадцать палачей". Позднее было создано множество других. Благодаря именно этим литературным подмосткам, стали известны имена поэтов Юлиуса Бирбума, Эриста фон Вольцогена, Петера Хилле и других.

Когда в 1904 году умирает Петер Хилле, Эльза в отчаянии пишет:

Один лишь плач в миру,
Как будто умер Бог... ^{xx)}

В 1905 году из печати выходит второй стихотворный сборник Эльзы Ласкер-Шолер "Седьмой день". На следующий год появляется в стихах "Книга Петера Хилле". Сборник новелл "Исли Тино Багдадской" вышел в 1907 году, и пьеса "Река Вуппер" - в 1908.

С абсолютной глубиной отдается Эльза дружбе, любви, всему человеческому. В жизни, и в поэзии. Большое чувство (но любовь ли?) возникает у нее около 1912 года к поэту Готтфриду Бэнну, начинающему тогда свою литературную деятельность.

^{x)} Стихотворение Эриха Мюсами дано в переводе Б.Хлебникова.

^{xx)} Пер.Л.Бендикус.

Она пишет:

Я при тебе обочина.
Тебя коснувшаяся — падает.

Ответ Бэнна:

Никто моей обочиной
не станет.
Пусть отцветут твои
цветы.
Моя дорога широка
и одинока. ^{х)}

И как ни странно, Эльзу, повидимому, даже устраивает такой ответ. Во всяком случае отношения с Готтфридом Бэнном остались теплыми и длились добрых еще два десятка лет. Вообще же и в десятых и, позднее, в двадцатых годах текущего столетия поэтесса была эпицентром движения целого поколения участников экспрессионистического потока, поддерживала обширный круг знакомств. Достаточно назвать среди многих в этой связи Карла Крауса, Теодора Дойблера, Франца Верфеля, Георга Тракля, Рене Шикле, Франца Марка, Кристиана Моргенштерна, Джона Хартвилда, Жоржа Гросса и Оскара Кокошку. К экспрессионистам, которые видели в ней прологающего новые пути поэта и соратника, Эльза была особенно расположена. Стихия и строй ее лирики оказалисьозвучными новой экспрессионистической устремленности, составляли один из рукавов этого течения.

Творчество Эльзы Ласкер-Шольершилось и нарастало. В 1911 году выходит книга стихов "Мои чудеса" и другой сборник стихотворений и эссе. В 1912 — роман "Мое сердце". В 1913 году появляются две книги: в Берлине издаются "Иудейские баллады", а в Лейпциге — том "Стихотворений и других историй". Она по-прежнему живет очень бедно. В 1913 году в газете было спубликовано воззвание поддержать поэтессу. Его подписали Сельма Лагерлёф, Рихард Демель (1863—1929), Карл Краус, Арнольд Шёнберг (1874—1951) и другие. Надо сказать, что основное внимание Эльза уделяла, как и творческая молодежь вокруг нее, прежде всего стихам.

^{х)} Пер. Л.Бендиекс.

В жизни же ее позицию, кроме всего прочего, определяло заступничество за деклассированных и бесправных, она была неподкупной пацифисткой. "Художников, жертвующих собой ради справедливости, - писала она, - можно пересчитать по пальцам. Благоговейно преклоняю я колени перед моими скромными друзьями, поэтами-мучениками." Вместе с тем, в своем творчестве она самым требовательным образом соединяла простоту и эзотеричность, всегда высоко ставила себя и считала свою судьбу исключительной:

10 000 земных счастий я готова подарить,
Чтоб еще раз богорожденной пожить,
Так богохранимо, не боясь никого.
Да, да,
Как в тот раз - баловницей его!

/Пер. В. Нейштадта./

Вот как о том пестром времени и о ней пишет в своих воспоминаниях Готтфрид Бэнн: "Я познакомился с ней в 1912 году... Она была невысокого роста, тогда еще по-мальчишески тоненькая, черные как смоль волосы коротко острижены, что по тем временным было редкостью, глаза - иссиня-черные с уклончивым взглядом. Ни в то время, ни позднее с ней невозможно было пройти по улице, чтобы весь свет не остановился и не посмотрел ей вслед; экстравагантные широкие юбки или брюки, невероятные верхние облачения, шея и запястья увешаны броскими украшениями..."

По твоему лицу крадутся джунгли.
О, какой ты!

Твои тигровые глаза стали
сладостны на солнце.

Я повсюду ношу тебя
в моих клыках.

Ты моя индейская книга,
Дикий Запад,
Сиукский вождь!

В полумраке изнемогаю
Привязанная к стволу самшита.

Я не могу больше
Без игры скальпирования.
Алые поцелуи выводят твои ножи
На моей груди -
Шока мои волосы не развеются
На твоем поясе. /пер. Л.Бендиго/.

Странная совместимость внутренней ранимости и внешнего эпатажа. Но в стихах, в стихах она была к себе требовательной в высшей мере. Тем более удивительно, что являясь творцом нового поэтического языка, она всю жизнь говорила на средне-рейнском диалекте. Потребность в родине, в защищенности? Ей нравилось поддерживать видимость спонтанного рождения стихов, "тайными ремесла" она не делилась. Но богемная жизнь постоянно сталкивала ее с материальными трудностями, даже с бедностью, и с глубокими душевными переживаниями, приведшими ее к ряду нервных кризисов.

Устало сердце и легло в покое
На бархат-ночь, грустя,
А звезды у меня на веках дремлют.
Этюд течет серебряной рекою,
И нет меня, и тысячу раз я,
И проливаю мир на нашу землю.
Жизнь сыграна, аккорд последний взят.
Так Бог судил, и я у грани бытия.
Псалом умолк, но мир ему все внемлет. x)

Перед тем, как в ее творчестве наступил связанный с войной перерыв, она в 1914 году выпустила книгу прозаических историй "Принц Фиванский". И только в 1920 году в Берлине в издательстве Пауля Кассирера вышло полное собрание ее сочинений, а до этого, лишь в 1917 году в Лейпциге, у Курта Вольфса, была маленькая книжица ее "Избранных стихов".

Отношение собратьев по перу к творчеству Эльзы Ласкер-Шюлер было далеко не однозначным: Бертольд Брехт считал ее "вели-

x) "Устало сердце", пер. Е.Чулыга

кой поэтессой", Карл Краус – "самым мощным и непреходящим явлением в лирике современной Германии," а писатель Казимир Зидштадт называл ее "значительнейшей поэтессой еврейского народа последних веков". Были и мнения противоположные. Так, к примеру, Франц Кафка в 1913 году сказал: "я не выношу ее стихов, не ощущаю при чтении ничего кроме скуки от пустоты и отвращения к деланности". Но было бы, наверное, удивительно, если бы она нравилась всем. Фактом, однако, остается то, что она была в ряду крупнейших лириков Германии первой половины века. На нее как бы сходились нити, идущие от стольких различных, в жанровом и прикладном смысле, художников. И сна, в свою очередь, платила дань близким ей соратникам. Нельзя не уловить пародии на мюнхенский "Синий всадник" Франца Марка и Василия Кандинского в следующем ее стихотворении "Мой синий рояль":

Дома у меня есть синий рояль,
Но я не знаю нот.

Он поставлен в темный подвал за дверь
С тех пор, как мир счествел.

Звезды играют в четыре руки
...Лунная дева пела в челне...
Теперь только крысы на нем дребезжат.

Клавиатура разбита теперь...
Я плачу по синему телу.

Ах, ангелы, отворите врата
... Я горького хлеба псела...

Живую впустите в райскую дверь
Пусть вопреки запрету!

/Пер. М. Бендикус/

Стихи ее ярки и сказочны, но всегда печальны. На строй ее образов и душевный поэтический камертон сильное влияние оказали "Чеснь песней" Соломона и "Тысяча и одна ночь". Многие темы стихотворений Эльзы заимствованы из Ветхого Завета, пласт европейской культуры сохранил для нее непреходящую ценность, она подхватила его народные традиции в своем творчестве. Ей удалось с неповторимой убедительностью добиться слияния еврейского

и немецкого. В конце 20-х годов Арнольд Цвейг пишет о ней: "Прочертить для себя в стороне неуклонную линию жизни и тихо прожить ее, написать прекраснейшие стихи, самые свободные и простые строки целой литературной эпохи и ни при каких обстоятельствах не допускать различий между жизнью и поэзией - на такое была и осталась способна эта женщина. В наше насквозь обуржуазившееся время она кажется чем-то ненормальным, монстром - настоящим поэтом".

В 1927 году от туберкулеза умирает ее любимый сын Пауль. Это еще больше углубило ее скорбь в миру. Исходя из личного опыта и предчувствия грядущие свои мытарства она в эти годы пишет: "Мой плач не европейский и не христианский, мой плач - хор из вздохов многих, многих, многих поэтов. Где преклонить нам свис головы, посадить в землю свои создания?.." X) Нужда двадцатых годов и на ее долю оставила большой круг бед. Друзья помогали ей. А когда в 1932 году она была удостоена высокой литературной премии им. Клейста, все, казалось, начало поправляться. Однако уже через год к власти пришли наци, и вот уже Эльза спешит покинуть Германию.

Мне не знакома речь
Этой холодной страны,
И у меня другая поступь.

И облака, бегущие мимо,
Я тоже понять не могу.

Ночь - самозванная королева.
Я всегда вспоминаю леса Фараонов
И целую лики моих звезд.

Мои губы уже просияли
И говорят о далеком.

Я - пестоная книга картинок
У тебя на коленях,

Но твои глаза уже ткнут
Покров из плача.

Моим сверкающим птицам
Выкололи караллы,

X) Пер. Н.Павловой

На оградах садов
Темнеют их разоренные гнезда.

Кто умастит мой мертвый дворец –
Он увенчан короной моих отцов,
Чьи молитвы в священной реке утонули.

/Пер. Г.Ратгауза/.

Несколько лет Эльза Ласкер-Шулер просела в Швейцарии в бесприютной бедности. Затем через Египет сна добирается до Палестины, где и состаеться до своего последнего дня. Эти годы она живет в Иерусалиме, где, несмотря на нужду и болезни, продолжает творить. Здесь она пишет свою последнюю драму "И-и-Я". (Ранее она также создала несколько драм, в том числе "беспеременно поэтическую"), по выражению Петера Хандке, "Артур Аронимус и его отцы"). Тогда же вышел в свет ее последний сборник стихотворений "Йей синий рояль" (1943).

Эльза Ласкер-Шулер умерла 22 января 1945 года от сердечного приступа. Она похоронена на Масличной горе у Иерусалимских ворот.

Стихи ее на русский язык начал переводить с 1913 года В. Эльснер. Затем, уже в начале 20-х годов, их переводили В.Нейштадт и С.Тартаковер. Позднее – И.Гришкова, Е.Гулыга, Г.Ратгауз, З.Морозкина и Л.Бендикус (живет в ФРГ).

Проза Эльзы Ласкер-Шулер на русский язык не переводилась.^{x)}

"День поминовения"

На берег рушится волна.
Вода струями сверху налетела.
Но теплится свеча, что мною зажжена.

Я мать любитую увидеть бы хотела...
В песок прохладный телом я погружена
И знаю: этот мир душе дороже тела..

---

^{x)} В 1989 году вышла "Белая Георгина" в пер. Г.Снежинской.

КОГДА Б МОЕ СЕРДЦЕ БЫЛО ЗДОРОВО
кинематографическое

/перевод с немецкого
Юргиса Нели/

Когда б мое сердце было здорово, я прежде всего выпрыгнула бы из окошка; затем я отправилась бы в синема и никогда бы не вышла обратно. Это для меня точно так, как будто я отхватила большой куш и пока еще не получила его, или в конной лотерее выиграла бы лошадь и "напрасно" не обзавелась конюшней. Жизнь ведь, собственно говоря, есть драма винтовой лестницы, всё время эдак по кругу вверх и снова ~~вниз~~ вниз, всё время вокруг самого себя как у звезд. Я — в радостном отчаянии, в отчаянной радости; охотнее всего я совершила бы какой-нибудь смертельный номер или отколола веселую выходку. Моя подруга Лауренсия кутит как лиса, она изучает язык древних господ, я имею в виду греческий и латинский, и успехи ее весьма впечатляющи. Однако, что мне за дело до всего этого; я не желаю ничего знать, ничего. Лишь бы оно не колотилось!

Мозг лихорадочно работает, оно колотится внизу не только каждую субботу и пятницу так, что вздымается каждая клеточка, оно колотится также и по другим дням недели, ибо живу я в самой сутолоке домов и мне приходится переносить грубые дрязги всех дворов. Я всегда сижу при закрытых окнах и совершенно ничего не получаю от лета; я не имею возможности выйти, я пишу истории духа; у меня — обязательства. К тому же безумно скво-

зит, если я оставляю открытыми двери, справа и слева, и за спиной. С тех пор, как я поселилась в этой квартире, я ношу кошачью шкурку; и если меня вечером пригласили куда-то, меня охватывает такой ужасный страх, что я могла бы начать мяукать. Жизнь больше не доставляет мне удовольствия, тем более что люди хотят читать мою лирику; кто охотно ее читает, тот непременно берется написать мне хоть раз эдакое симпатичное письмечко. К тому же, похоже, мне следует, вследствие моей болезни, купаться в растворе щавелекислого калия для того, чтобы никто из-за меня не поскользнулся. Тогда в купальной ванне меня охватывает дикая скука, и я охотно принимаюсь читать лестные письма, адресованные мне. До чего же раздражает недалекая критика! Однако, тотчас же отыскивается кто-то, кто напишет и доброе слово. Действительно, не перевелись еще на свете симпатичные создания. Я только не могу терпеть бледнолицых, я с подозрением отношусь к свету. И посему я нанимаю себе только лишь черных служанок и лакеев. У меня служат два негра и две индианки; вождь отца моего Текофи по временам наведывается в Берлин и со своей труппой выступает в ". Текофи как-то спросил меня, ежели стеч его приедет в Берлин, мог бы он пожить у меня на балконе. Я ничего не имела против. Мой сомалийский негр — королевского происхождения, его папаша владеет под Тенерифом большими стадами баранов. Время от времени он посыпает мне по нескольку отборных баранов, весьма приходящихся ко двору как вкусное рагу в шкуре. Осман, мой более молодой негр, выглядит как размышляющая горилла в кадке с растениями. Эдакий злой биологический вид, великолепно выглядящий, однако его не следует понапрасну нервировать; с недавних пор я даже уже и не присвистываю, когда он вознамеривается откусить кому-нибудь башку, он слишком хорош, слишком драгоценен, чтобы повиноваться даже мне. Обе мои индианки — девушки очень ~~широко~~ старательные, они наняты мною на службу, чтобы отыскивать нити моей логики, находить логику моих разговоров. Иной раз они отыскивают ее всю ночь напролет, и я спасаюсь, как бы они в один прекрасный момент разом не повесились на моей путеводной нити. С этим придется смириться, смуглые люди — плохие ищейки, они ничего не могут найти в ночном мраке своей кожи. Ого, что бы я совершила, когда б сердце мое было здоровым! Вспоминала бы я тогда

вообще о сердце или, по крайней мере, о чем-то подобном? От этого вставного номера в мою программу я вынуждена была заплатить - хорошо, что остались еще палочки грешного ореха, способные утешить, а также мята в деревянной коробочке. Я не верю, что мое сердце состоит из плоти и крови, что стенки его в трещинах; малейшее мгновенное значение воспринимает оно, как значение вечности, поэтому я совершенно не пригодна для поверхностных наблюдений, интересна я только исследователю. В эмоциональных положениях мое сердце всегда звонит. "35,24 слушает, кто говорит?". "Доктор Никита Амброзиа. Вы - Эльза Ласкер-Шулер?". "К несчастью". "Не торопитесь торжествовать, уважаемая сударыня, я только хотел осведомиться, с совершеннейшим к Вам почтением, не примете ли Вы антракет на выступление в Зимнем саду, с ежемесячным жалованием в тысячу марок? В год это составит круглым счетом десять тысяч марок." "Вы шутите, сударь, ведь так не принято, чтобы занимать в варьете артистов больше, чем на месяц." "Однако, для нас имеет большое значение, моя благосклоннейшая, привязать Вас к нашему варьете." "Речь идет, вероятно, о моих арабских сценах, господин доктор Амброзиус?" "Совершенно верно! Когда Вы над Фивами высоко восседаете на верблюде." "Сударь, я узнала Вас, такого неприкрашенного баса в варьете нет. Вы - профессор Геллерт, последняя заря Гогенштадтернов!" Конец! Мое письмо: Возлюбленный моего сердца в Адрианополе! Он еще вопрошал меня, по-прежнему ли я все еще люблю его, молил меня не обманывать его. Я все-таки не подам ему материала для лирического стихотворения (он - поэт), "соответственно, я люблю его! Баста!" Я могла бы ведь тоже ненадолго прибыть в Турцию, тем более, что всех моих предков носили в паланкинах. Посему-то ходьба мне в тягость. Даже если Ваши ступни похолодели, для меня они по-прежнему - знайко-жаркие. Когда б мое сердце было здорово, что я тогда сотворила бы? Секундочку, пожалуйста! Я разделась бы и, в чем мать родила, бросилась бы в пресную воду, где живут крохотные рыбки, однако чешуя мне ни к чему. Или пошла бы на Южный полюс и враз совершенно согрелась или, во всяком случае, я осталась бы сидеть в ледяном поясе планеты антрацитовой печкой. А что ж мне еще остается?

Но из упрямства я продолжаю сидеть именно в тропиках. Иортретам созвездий я пририсовала бы этакие усищи. Разве не чертов-

ски обидно, что сердце мое нездороно? От луны исходят все болезни, главным образом, неврозы. Все болезни приходят сверху. Здесь же, внизу, всё очень славно. И потому-то столь много авиаторов так стремительно валятся с небес; сам летательный аппарат ведь никогда не взрывается, однако они все схватывают эпилепсию, когда, взлетая все выше и выше, они всасывают бациллы бесчисленных звезд. Как выглядят авиаторы? Как птицы, носы их - клювы, и головы они вытягивают в высоту. Новый человеческий род. Однажды со мною обедал один воздухоплаватель, он обклевывал мясо, как ястреб, он рвал шницель, как коршун-стервятник. Подруга Карла Фолльмёллера, обаятельная Катарина фон Арманьяк - первая в мире женщина-авиатор. На выставку средств воздушного сообщения в Унион-театре, в районе "ам Цоо", они все слетелись. Я же могу посмотреть задаром, я обещала посмотреть и написать обо всем. У меня нет денег, но потому-то, однако, я и не могу замкнуться от мира. И даже больше того, я должна была взять на себя правление в Фивах, я, пусть даже лишь для проформы, царствую. Берлинская публика поговаривает, что у меня навязчивая идея. Навязчивая идея - что может быть естественней: природа, сделавшая закон работ. Я - принц Фиванский. Только император Вильгельм может дополнить меня в Германии, касательно правления. У меня между тем подобрался пестрый народ. Но ночам я устраивалась под самой крышей, а днем сидела под своей пальмой и правила. Я была в ответе за всё; народ мой порою искоса посматривает от неуверенности, он полагает, что я дурачусь, но дурачество у меня тоже совершенно серьезно. Я ничему не оказываю предпочтения - только людям. Бываю несправедливую, потому что у меня есть вкус, есть художественное чутье; моя речь к народу не расставляет точек, потому что я не хотела бы себя ограничивать. Я - очень терпима по отношению к себе, я - благосклонна по отношению к себе, я - единодушна с собой, из дипломатии, ибо мой народ должен держаться меня. Я только много размышляла, очень зло размышляла, непосредственно, я позволяла всем моим мыслям подступать ко мне совсем близко, с тем, чтобы они избавились от страха. Ах, если бы уже чуть свет меня не беспокоили в таком обилии мусульманские шиурльники, желающие меня татуировать,

западно-европейские художники, возымевшие желание писать с меня портреты. По ночам меня, в моем полусне, на моей крыше, всегда беспокояли мои паша, которые никак не могут успокоиться от моего вступления на престол. Они всегда во время аудиенции, которую я им давала, забывали поднять вопрос, туда их приведший. С тех пор, как я была избрана царствующим принцем Фив, по улицам города, в таких же одеждах и с теми же жестами, двинулось множество честолюбцев, которые стремились быть похожими на меня. Мои эпигоны! Ибо царить — тоже искусство, тоже свойство, как и живопись, стихосложение и музыка. Эпигонство же — только функционирование, оттого-то и занимаются эпигонствованием, как работой. А я никогда не работаю, я ненавижу письменный стол — хотя у меня он есть — однако, он почти никогда не используется. Сегодняшней ночью, когда будут спать мои негры, мои паша отварят врата, ведущие на мой кров, ради почтовых ~~изделий~~ штемпельных марок. Ночью я буду еще и в профиль (сбоку я лучше, нежели в анфас), в тюрбане и в мантии правителя сфотографирована во всех цветах; и на всех почтовых отделениях моего города распространят Моё Высочество.

.....